

Женитьба

Пьеса

Н.В. Гоголя

1-е издание

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната холостяка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Подколесинъ *(одинъ, лежитъ на диванъ съ трубкой)*.

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугъ подумывать, такъ видишь, что, наконецъ, точно нужно жениться. Что въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая, наконецъ, скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. Не приходила сваха?

Степанъ. Никакъ нѣтъ.

Подколесинъ. А у портного былъ?

Степанъ. Былъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ, шьетъ фракъ?

Степанъ. Шьетъ.

Подколесинъ. И много уже нашилъ?

Степанъ. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. Чтò ты говоришь?

Степанъ. Говорю: началъ ужъ петли метать.

Подколесинъ. А не спрашивалъ онъ, на чтò, молю, нуженъ барину фракъ?

Степанъ. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, онъ говорилъ: не хочетъ-ли баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ты видѣлъ, однакожъ, у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

Степанъ. Да, фраковъ у него много виситъ.

Подколесинъ. Однакожъ, вѣдь сукно-то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

Степанъ. Да, это будетъ поприглядиствѣ, чтò на нашемъ.

Подколесинъ. Чтò ты говоришь?

Степанъ. Говорю: это поприглядиствѣ, чтò на нашемъ.

Подколесинъ. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молю, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

Степанъ. Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

Подколесинъ. Ты, однакоже, сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

Степанъ. Сказывалъ.

Подколесинъ. Чтò жъ онъ на это?

Степанъ. Говорить: буду стараться.

Подколесинъ. Хорошо. Теперь ступай.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ III.

Подколесинъ (одинъ).

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ,—молокососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ. Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНИЕ IV.

Подколесинъ, Степанъ.

Подколесинъ. А ваксу купилъ?

Степанъ. Купилъ.

Подколесинъ. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что на Вознесенскомъ проспектѣ?

Степанъ. Да-съ, въ той самой.

Подколесинъ. Что жъ, хороша вакса?

Степанъ. Хороша.

Подколесинъ. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

Степанъ. Пробовалъ.

Подколесинъ. Что жъ, блеститъ?

Степанъ. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

Подколесинъ. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

Степанъ. Нѣтъ.

Подколесинъ. Можетъ быть, не говорилъ ли: не затѣваетъ ли, дескать, баринъ жениться?

Степанъ. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

Подколесинъ. Ну, хорошо, ступай себѣ!

ЯВЛЕНИЕ V.

Подколесинъ (одинъ).

Кажется, пуская вещь сапоги, а вѣдь, однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ такого уваженія. Все какъ-то не того... Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть, Богъ знаетъ что, только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Подколесинъ, Степанъ.

Степанъ. Чего изволите?

Подколесинъ. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

Степанъ. Говорилъ.

Подколесинъ. Что жъ онъ говоритъ?

Степанъ. Говоритъ: хорошо.

(Степанъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ VII.

Подколесинъ, потомъ Степанъ.

Подколесинъ. А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь—женитьба! Тб, да сѣ, да это. Чтобы тó, да это было ксправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ)*. Я хотѣлъ тебѣ еще сказать...

Степанъ. Старуха пришла.

Подколесинъ. А, пришла; зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ)*. Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Подколесинъ и Ѳекла.

Подколесинъ. А, здравствуй, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что? какъ? Возьми стулъ, садись, да и рассказывай. Ну, такъ какъ же, какъ? Какъ бишь ее: Меланья?..

Ѳекла. Агаѡья Тихоновна.

Подколесинъ. Да, да, Агаѡья Тихоновна. И вѣрно какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

Ѳекла. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похвалять да благодарить.

Подколесинъ. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песь врать.

Подколесинъ. А приданое-то, приданое? Расскажи-ка вновь.

Ѳекла. А приданое: каменный домъ въ Московской части, о двухъ ѳлтажахъ, ужъ такой прибыльной, что, истинно, удовольствіе: одинъ лабазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигера—одинъ хлигеръ совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборгской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ канусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмельного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, «а третій», говорить, «еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отпирать; я ужъ», говорить, «старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче».

Подколесинъ. Да собой-те, какова собой?

Женитьба. Дѣйствіе I. Явленіе VIII. Стр. 7.

Фекла. Какъ рефинать! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ... Сладость такая, что и рассказать нельзя. Ужь будете вотъ по этихъ поръ довольны (*показывала на горло*), то есть и пріятелю, и непріятелю скажете: «Ай да Фекла Ивановна, спасибо!»

Подколесинъ. Да, вѣдь она, однакожь, не штабъ-офицерша?

Фекла. Куница третьей гильдіи дочь. Да ужь такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О куницѣ и слышать не хочетъ. «Мнѣ», говоритъ, «какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой-то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ». Да, такой великаться! А къ воскресному-то какъ надѣнетъ шелковое платье—такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто!

Подколесинъ. Да вѣдь я-то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ... понимаешь?..

Фекла. Да ужь обноковенно, какъ не понимать? Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужь у него нравъ-то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совреть, а такой на взглядъ видный. Что жъ дѣлать, такъ ужь ему Богъ далъ; онъ-то и самъ не радъ, да ужь не можетъ, чтобы не прилгнуть—такая ужь на то воля Божія.

Подколесинъ. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

Фекла. Да какой же тебѣ еще? Ужь это что ни есть лучшая.

Подколесинъ. Будто ужь самая лучшая?

Фекла. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

Подколесинъ. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣзавтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты расскажешь...

Фекла. Да помилуй, отецъ! ужь вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку-то ни на сколько: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

Подколесинъ. А ты думаешь, небось, что женитьба все

равно, что: «эй, Степанъ, подай сапоги!» натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

Оекла. Ну, такъ что жь? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На тó товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

Подколесинъ. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватить дождемъ.

Оекла. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужь глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидадь, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

Подколесинъ. Чтò за челуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебя сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ жь сѣдой волосъ? (*Щупаетъ свои волосы*).

Оекла. Какъ не быть сѣдому волосу,—на то живетъ человекъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть на примѣтъ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говорить-то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служить.

Подколесинъ. Да врешь, я посмотрю въ зеркало,—гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, стой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже, чѣмъ осна. (*Уходитъ въ другую комнату*).

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Оекла и Кочкаревъ (вбѣгал).

Кочкаревъ. Чтò Подколесинъ?.. (*Увидивъ Оеклу*) Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!.. Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

Оекла. А что жь дурного? Законъ исполнилъ.

Кочкаревъ. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль—жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

Өекла. Да вѣдь ты жъ самъ присталь: жени, бабушка, да и только.

Кочкаревъ. Ахъ ты крыса старая!.. Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ?..

Өекла. А что жъ? Богъ благодать послалъ.

Кочкаревъ. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? Прошу покорно: исподтишка, а?

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Подколесинъ (*съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно*).

Кочкаревъ (*подкрадываясь сзади, пугаетъ его*). Пуфъ!
Подколесинъ (*вскрикнувъ и роняя зеркало*). Сумасшедшій! Ну, зачѣмъ... зачѣмъ... Ну, что за глупости! Перепугаль, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

Кочкаревъ. Ну, ничего, пошутить.

Подколесинъ. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

Кочкаревъ. Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

Подколесинъ. Да, сыщешь. Знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ кажетъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

Кочкаревъ. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вѣдь вздумалъ?

Подколесинъ. Вотъ вздоръ, совсѣмъ и не думалъ!

Кочкаревъ. Да вѣдь улика на-лицо. (*Указываетъ на Өеклу*) Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица. Ну, что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло

Женитьба. Дѣйствіе I. Явленіе X. Стр. 11.

христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всё дѣла. (*Къ Оеклѣ*) Ну, говори: какъ, что и прочее.—Дворянка, чиновница, или въ кунечествѣ, что-ли, и какъ зовутъ?

Оекла. Агаѣя Тихоновна.

Кочкаревъ. Агаѣя Тихоновна Брандахлыстова?

Оекла. Анъ нѣтъ—Купердягина.

Кочкаревъ. Въ Шестилавочной, что-ли, живетъ?

Оекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

Кочкаревъ. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочкой—деревянный домъ?

Фекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

Кочкаревъ. Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ-то я не знаю.

Фекла. А вотъ какъ поворачишь въ переулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка; и какъ будку минешь, свороти направо, и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея, что жила прежде съ сенатскимъ оберъ-секлетаремъ. Ты къ швеѣ-то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный—вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то есть, она живетъ, Агаоья Тихоновна-то, невѣста.

Кочкаревъ. Хорошо, хорошо. Теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай—въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

Фекла. Какъ такъ? Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

Кочкаревъ. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

Фекла. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право!

Кочкаревъ. Пойди, пойдн! Не смыслншь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ,—убирайся!

Фекла. У людей только чтобы хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянъ вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. *(Уходитъ съ досадою).*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать—ѣдемъ.

Подколесинъ. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только подумалъ...

Кочкаревъ. Пустяки, пустяки! Только не конфузья: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ все вдругъ.

Подколесинъ. Вотъ еще! Сейчасъ бы и ѣхать!

Кочкаревъ. Да за чѣмъ же, помилуй, за чѣмъ дѣло?.. Ну, размотри самъ: ну, что изъ того, что ты не женатый? Посмотри на свою комнату: ну, что въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванія, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ, весь день на боку.

Подколесинъ. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

Кочкаревъ. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой-нибудь въ клеткѣ, рукодѣлье... И вообрази, ты сидишь на диванѣ — и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка, хорошенькая этакая, и ручкой тебя...

Подколесинъ. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, вѣдь просто, братъ, какъ молоко.

Кочкаревъ. Куды тебѣ! Будто у нихъ только, что ручки!.. У нихъ, братъ... Ну, да что и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

Подколесинъ. А вѣдь, сказать тебѣ правду, я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

Кочкаревъ. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только нужно распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее—это все ужъ я... Шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя, ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непременно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ—эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ—чортъ съ нимъ, неправда ли? а? А что же касается до обѣда—у меня, братъ, есть на примѣтѣ при-

дворный офиціантъ: такъ, собака, накормить, что, просто, не встанешь.

Подколесинъ. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ и свадьба.

Кочкаревъ. А почему жъ нѣтъ? Зачѣмъ же отклады-
вать? Вѣдь ты согласенъ?

Подколесинъ. Я? Ну, нѣтъ... я еще не совсѣмъ со-
гласенъ.

Кочкаревъ. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объ-
явилъ, что хочешь.

Подколесинъ. Я говорилъ только, что не худо бы.

Кочкаревъ. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было
все дѣло... Да что? развѣ тебѣ не нравится женатая
жизнь, что ли?

Подколесинъ. Нѣтъ, нравится.

Кочкаревъ. Ну, такъ что-жъ? За чѣмъ дѣло стало?

Подколесинъ. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только
странно...

Кочкаревъ. Что-жъ странно?

Подколесинъ. Какъ же не странно: все былъ не жена-
тый, а теперь вдругъ женатый...

Кочкаревъ. Ну, ну... ну, не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я
вижу, съ тобой нужно говорить серьезно: я буду гово-
рить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри,
посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ,
какъ смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь
такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣ-
ешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зер-
кало—что ты тамъ видишь? Глупое лицо—больше ни-
чего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребяташки,
вѣдь не то, что двое или трое, а, можетъ быть, цѣлыхъ
шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли воды. Ты вотъ
теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или
тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда,
вообрази, около тебя экспедиторченки, маленькіе такіе

каналъченки, и какой-нибудь пострѣленокъ, протянувши ручонки, будетъ теревить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, ау! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

Подколесинъ. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ все портить, разбросаютъ бумаги.

Кочкаревъ. Пусть шалютъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи—вотъ штука.

Подколесинъ. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой-нибудь пышка, щенокъ этакой, и ужъ на тебя похожъ.

Кочкаревъ. Какъ не смѣшно,—конечно, смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

Подколесинъ. Пожалуй, поѣдемъ.

Кочкаревъ. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

Подколесинъ (*одѣваясь, передъ зеркаломъ*). Я думаю однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

Кочкаревъ. Пустяки, все равно.

Подколесинъ (*надѣвая воротнички*). Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички — никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найму другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводить время, а не гладить.

Кочкаревъ. Да ну, братъ, поскорѣе! Какъ ты копаешься!

Подколесинъ. Сейчасъ, сейчасъ. (*Надѣваетъ фракъ и идетъ*). Послушай, Илья Оомичъ, знаешь ли что? Поѣзжай-ка ты самъ.

Кочкаревъ. Ну, вотъ еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ вѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

Подколесинъ. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкаревъ. Ну, есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно—и вдругъ не нужно!

Ну, скажи пожалуйста, не свинья ли ты, не подлець ли ты послѣ этого?

Подколесинъ. Ну, что-жь ты бранишься? съ какой стати? что я тебѣ сдѣлалъ?

Кочкаревъ. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ стараюсь?—О твоей пользѣ; вѣдь изо рта выманять кусъ. Лежить проклятый холостякъ! Ну, скажи, пожалуйста, ну, на что ты похожъ?—Ну, ну, дрянъ, колпакъ, сказалъ бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесинъ. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. (*Вполголоса*) Въ своемъ-ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще этакими словами; не нашелъ другого мѣста!

Кочкаревъ. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуйста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ—просто сдуру, белены объѣлся, деревянный чурбанъ...

Подколесинъ. Ну, полно, я ѣду—чего-жь ты раскричался?

Кочкаревъ. Ёду! Конечно, что-жь другое дѣлать, какъ не ѣхать! (*Стенану*) Давай ему шляпу и шинель.

Подколесинъ (*въ дверяхъ*). Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранить вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

Кочкаревъ. Да ужъ конечно, теперь не браню. (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната въ домѣ Агаѣи Тихоновны.

Агаѣя Тихоновна *раскладываетъ на картахъ, изъ-за руки глядитъ тетка Арина Пантелеймоновна.*

Агаѣя Тихоновна. Опять, тетушка, дорѣга! Интересно какой-то бубновый король... слезы... любовное

Женитьба. Дѣйствіе I. Явленіе XII. Стр. 19.

письмо; съ лѣвой стороны трефовый изъясняетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

Агаѣя Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агаѣя Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитриевичъ Стариковъ.

Агаѣя Тихоновна. Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агаѣя Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

Агаѣя Тихоновна. А вотъ же нѣтъ: трефовый король значить здѣсь дворянинъ — кунцу далеко до трефоваго короля.

Арина Пантелеймоновна. Эхъ, Агаѣя Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелеймоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударить всей пятерней по столу, да вскрикнетъ: «Плевать я», говоритъ, «на того, который стыдится быть кунцомъ: да не выдамъ же», говоритъ, «дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! А и сына», говоритъ, «не отдамъ на службу. Что», говоритъ, «развѣ купецъ не служить государю такъ же, какъ и всякой другой?» Да всей пятерней-то такъ по столу и хватить. А рука-то въ ведро величиною — такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

Агаѣя Тихоновна. Ну, вотъ, чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за кунца!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь Алексѣй-то Дмитриевичъ не такой.

Агаѣя Тихоновна. Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь гдѣ же достать хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

Агаеья Тихоновна. Оекла Ивановна сыщеть; она общалась сыскать самаго лучшаго.

Арина Пантелеймоновна. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Оекла.

Оекла. Ахъ, нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

Агаеья Тихоновна. Ахъ, это Оекла Ивановна! Ну что, говори, рассказывай! Есть?

Оекла. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться — такъ ухлопоталася! По твоей комиссіи всѣ дома исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ искалась, въ караульни наслонялась... Знаешь-ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей Богу: старуха-то, что женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: «Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ», говорить. — «Да что-жь», сказала я напрямикъ: «я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить». За тѣ ужь какихъ жениховъ тебѣ принасла! То-есть, и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и придутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

Агаеья Тихоновна. Какъ же сегодня? Душа моя, Оекла Ивановна, я боюсь.

Оекла. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Приѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не подравятся—ну, и уѣдутъ.

Арина Пантелеймоновна. Ну ужь, чай, хорошихъ пригнала!

Агаеья Тихоновна. А сколько ихъ? много?

Оекла. Да человекъ шесть есть.

Агаѣя Тихоновна (*вскрикивая*). Ухъ!

Фекла. Ну, что-жь ты, мать моя, такъ вспорхнула! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

Агаѣя Тихоновна. Что-жь они, дворяне?

Фекла. Всѣ, какъ на подборъ; ужь такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

Агаѣя Тихоновна. Ну, какіе же, какіе?

Фекла. А славные, всѣ такіе хорошие, аккуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотъ служилъ — какъ разъ по тебѣ придется. Говорить, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любить. А Иванъ-то Павловичъ, что служить езекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней движимаго и недвижимаго?» — «Столько-то и столько-то, отецъ мой!» — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклеилъ такое слово, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ вмигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

Агаѣя Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. А еще Пиканоръ Ивановичъ Анучкинъ. Это ужь такой великатынъ, а губы, мать моя, — малина, совсѣмъ малина — такой славный. «Мнѣ», говоритъ, «нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-французскому умѣла говорить». Да, гонкаго поведения человекъ, нѣмецкая штука; а самъ-то такой subtilный, и ножки узенькія, тоненькія.

Агаѣя Тихоновна. Нѣтъ, мнѣ эти subtilные какъ-то не того... не знаю... Я ничего не вижу въ нихъ...

Фекла. А коли хочешь поплотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужь лучше нельзя выбрать никого. Ужь тотъ, неча сказать, баринъ — такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ — такой славный.

Агаѣя Тихоновна. А сколько лѣтъ ему?

Фекла. А человекъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

Агаѣя Тихоновна. А фамилія какъ?

Фекла. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

Агаѣя Тихоновна. Это такая фамилія?

Фекла. Фамилія.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Феклуша, какъ же это, если я выйду за него замужъ, и вдругъ буду называться Агаѣя Тихоновна Яичница? Богъ знаетъ, что такое!

Фекла. И, мать моя, да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина—славный женихъ.

Агаѣя Тихоновна. А какіе у него волосы?

Фекла. Хорошіе волосы.

Агаѣя Тихоновна. А носъ?

Фекла. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ—никакой мебели.

Агаѣя Тихоновна. А еще кто?

Фекла. Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только зато ужъ такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любить-ли онъ выпить, вотъ, молъ, что скажи.

Фекла. А пьетъ; не прекословлю, пьетъ. Что-жъ дѣлать,—ужъ онъ титулярный совѣтникъ! зато такой тихій, какъ шелкъ.

Агаѣя Тихоновна. Ну, нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

Фекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми

другого. Впрочемъ, что-жь такѡва, что иной разъ выпьеть лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ: иной день выберется и трезвый.

Агаеья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

Агаеья Тихоновна. Ну, да кто же онъ?

Фекла. А не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ-то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носить, да ужъ на подъемъ куды тяжелъ, не выманишь изъ дому.

Агаеья Тихоновна. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

Фекла. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давеча было испугалась.

Арина Пантелеймоновна. Да что съ нихъ, съ дворянъ-то твоихъ? Хоть ихъ у тебя и шестеро, а, право, купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

Фекла. А вѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

Арина Пантелеймоновна. Да что въ почтеньи-то? А вотъ Алексѣй Дмитриевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится...

Фекла. А дворянинъ-то съ аполетой пройдетъ навстрѣчу, скажетъ: «Что ты, купчишка? свороти съ дороги!» или: «покажи-ка, купчишка, бархату самаго лучшаго!» а купецъ: «Извольте, батюшка!» — «А сними-ка, невѣжа, шляпу!» вотъ что скажетъ дворянинъ.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ-то и голенькой, и не въ чемъ ходить дворянину.

Фекла. А дворянинъ зарубить купца.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

Фекла. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенахтору.

Арина Пантелеймоновна. А купецъ къ губернахтору.

Фекла. А дворянинъ...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянинъ! Губернахторъ больше сенахтора! Разносила съ дворяниномъ! А дворянинъ при случаѣ такъ же гнетъ шапку... *(Въ дверяхъ слышенъ звонокъ)*. Никакъ, звонить кто-то.

Фекла. Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Фекла. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

Агаеья Тихоновна *(вскрикиваетъ)*. Ухъ!

Арина Пантелеймоновна. Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ)*. Да салфетка-то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является)*. Скорѣе чистую салфетку! *(Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ)*.

Агаеья Тихоновна. Ахъ, тетушка, какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! *(Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ)*. Бѣги, скажи: «сейчасъ!» *(Дуняшка кричитъ издалека: сейчасъ!)*

Агаеья Тихоновна. Тетушка, да вѣдь платье не выглажено!

Арина Пантелеймоновна. Ахъ, Господи милосердый, не погуби! Надѣнь другое.

Фекла *(вбѣгая)*. Что-жъ вы нейдете? Агаеья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! *(Слышенъ звонокъ)*. Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать. *(Дуняшка бѣжитъ въ стѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса: Дѡма? — Дѡма, пожалуйста въ комнату. Все съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину)*.

Агаеья Тихоновна *(вскрикиваетъ)*. Ахъ, какой толстый!

Фекла. Идетъ, идетъ! *(Все бѣгутъ опрометью)*.

ЯВЛЕНИЕ XIV.

Иванъ Павловичъ Яичница и Дуняшка.

Дуняшка. Погодите здѣсь. *(Уходитъ)*.

Яичница. Пожалуй, пождать—пождемъ, какъ бы только не замѣшкаться: отлучился вѣдь только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генераль: «А гдѣ экзекуторъ?» — «Невѣсту пошелъ выглядывать»... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однакожь разсмотрѣть еще разъ роспись. *(Читаетъ)* «Каменный двухъэтажный домъ»... *(подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату)* есть! *(Продолжаетъ читать)* «Флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревянный...» Ну, деревянный плоховать. «Дрожки, сани парныя съ рѣзбой подь большой коверъ и подь малый». Можетъ-быть, такія, что въ ломъ годятся. Старуха, однакожь, увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо, пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ...» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисьихъ шубы...» Гм! «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ» *(значительно сжимаетъ губы)*. «Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцевыхъ платьевъ, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь, пожалуй, обѣщаютъ и домъ, и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ впопыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса: Дома?—Дома)*.

ЯВЛЕНИЕ XV.

Иванъ Павловичъ и Анучкинъ.

Дуняшка. Погодите тутъ. Они выйдутъ. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей)*.

Яичница. Мое почтеніе!

Анучкинъ. Не съ папенькой-ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

Яичница. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

Анучкинъ. Ахъ, извините, извините!

Яичница (*въ сторону*). Физиогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть-ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. (*Вслухъ*) Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобность къ хозяйкѣ дома?

Анучкинъ. Нѣтъ, что-жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ съ прогулки.

Яичница (*въ сторону*). Вреть, вреть, съ прогулки! Женился, подлець, хочеть! (*Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ стѣнѣхъ голоса: Дома?—Дома*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Жевакинъ (*въ сопровожденіи дѣвочки*).

Жевакинъ (*Дуняшкѣ*). Пожалуйста, душенька, почишь меня... Пыли-то, знаешь, на улицѣ попристало не мало. Вонъ тамъ пожалуйста сними пушинку. (*Поворачивается*). Такъ! Спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ будто паучокъ лазитъ! А на подборахъ-то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родимая! Вонъ тутъ еще, кажется. (*Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича*). Суконцо-то вѣдь аглицкое! Вѣдь, какъ носится! Въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801, при Павлѣ Петровичѣ, я былъ сдѣланъ лейтенантомъ—сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только перелицевалъ: ужъ десять

лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти-что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасоточка! (*Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы*).

Анучкинъ. А какъ, позвольте узнать, Сицилія... вотъ вы изволили сказать — Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

Жевакинъ. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли; видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое-нибудь гранатное, и вездѣ итальяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

Анучкинъ. И хорошо образованы?

Жевакинъ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало, пойдешь по улицѣ — ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эплеты (*показываетъ на плеча*), золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія — у нихъ вѣдь возлѣ cadaго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски, — бывало, этакъ смотришь и сидитъ этакой розанчикъ... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь... (*кланяется и размахиваетъ рукою*) и она этакъ только (*дѣлаетъ рукою движеніе*). Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, пнуровочка, дамскія разныя сережки... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ...

Анучкинъ. А какъ, — позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ, — на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

Жевакинъ. А натурально, все на французскомъ.

Анучкинъ. И рѣшительно все барышни говорятъ по-французски?

Жевакинъ. Все-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ-быть, не повѣрите тому, что я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

Анучкинъ. Ни одного слова?

Жевакинъ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то-есть разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите нарочно тамошняго простого мужика, который перетаскиваетъ на шею всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба!» — не пойметъ, ей Богу, не пойметъ; а скажи по-французски: «*Dateci del pane*» или: «*portate vino!*» — пойметъ, и побѣжить, и точно принесетъ.

Иванъ Павловичъ. А любопытная, однакожь, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали — мужикъ: что мужикъ? какъ онъ? такъ-ли совершенно, какъ и русскій мужикъ — широко въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

Жевакинъ. Не могу вамъ сказать: не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода, и вездѣ гондолы... Натурально, сидитъ такая итальяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!.. Съ нами были и аглицкіе офицеры; ну, народъ такъ же, какъ и наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь бывало этакъ на бутылку или стаканъ, — ну, тотчасъ и знаешь, что это значитъ выпить; представишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ — знаешь: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій, — наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

Иванъ Павловичъ. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ чело-вѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Жевакинъ. Жевакинъ - съ, лейтенантъ въ отставкѣ.

Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

Иванъ Павловичъ. Въ должности эзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

Жевакинъ (*не дослышавъ*). Да, я тоже перекусилъ. Дороги-то, знаю, впереди будетъ довольно, а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцомъ.

Иванъ Павловичъ. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

Жевакинъ (*кланяясь*). Ахъ, извините! я немножко туговать на ухо Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иванъ Павловичъ. Да что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ называться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на «собачій сынъ».

Жевакинъ. А это однакожь бываетъ. У насъ вся третья эскадра, всѣ офицеры и матросы, — всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣвъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ, бывало: «Эй, ты, Дырка, поди сюда!» и, бывало, надъ нимъ всегда пошутить: «эхъ ты, дырка этакой!» говорить, бывало, ему. (*Слышенъ въ стѣнахъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять*).

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакинъ. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

Анучкинъ. Здравствуйте, матушка, Ѳекла Ивановна!

Ѳекла (*бѣжитъ впопыхахъ*). Спасибо, отцы мои, здорова, здорова! (*Отворяетъ дверь; въ стѣнахъ раздаются голоса: Дѡма?—Дѡма. Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которыя Ѳекла отвѣчаетъ съ досадою: смотри ты какой!*).

ЯВЛЕНИЕ XVII.

Тѣ же, Кочкаревъ, Подколесинъ и Фекла.

Кочкаревъ (*Подколесину*). Ты помни только куражъ и больше ничего. (*Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про-себя*) Фу ты, какая куча народу! Это что значить? Ужъ не женихи-ли? (*Толкаетъ Феклу и говоритъ ей тихо*) Съ которыхъ сторонъ набрала воронь — а?

Женитьба. Дѣйствіе I. Явленіе XVII. Стр. 31.

Фекла (*вполголоса*). Тутъ тебѣ воронь нѣтъ, все честные люди.

Кочкаревъ (*ей*). Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Өекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться нечѣмъ: шанка въ рубль, а щи безъ крупъ.

Кочкаревъ. Небось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ)* Да что она дѣлаетъ теперь? Вѣдь эта дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? *(Подходитъ къ двери).*

Өекла. Безстыдникъ! Говорять тебѣ, еще одѣвается.

Кочкаревъ. Эка бѣда! Что-жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину).*

Жевакинъ. А позвольте мнѣ полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

Кочкаревъ *(продолжая смотреть).* Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣтъ, женщина или подушка. *(Всѣ однакожь обступили дверь и протираются взглянуть).*

Кочкаревъ. Чш... кто-то идетъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь).*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ же, Арина Пантелеймоновна и Агаѣя Тихоновна. *(Всѣ раскланиваются).*

Арина Пантелеймоновна. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

Яичница. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

Яичница. Коллежскій ассессоръ, Иванъ Павловичъ Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается къ Жевакину и смотритъ на него)* А позвольте узнать...

Жевакинъ. Я тоже, въ газетахъ вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалась хорошею, по дорогѣ вездѣ травка...

Арина Пантелеймоновна. А какъ-съ по фамиліи?

Жевакинъ. А лейтенантъ морской службы въ отставку, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде моего вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колъникомъ, и пуля такъ странно прошла, что колъника-то самого не тронула, а по жилѣ прохватила — какъ иголкой сшило, такъ что, когда бывало стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колъникомъ сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Анучкину)* А позвольте узнать, по какой причинѣ?

Анучкинъ. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

Арина Пантелеймоновна. Не въ домѣ-ли купеческой жены Тулубовой, что насупротивъ, изволите жить?

Анучкинъ. Нѣтъ, я покаместъ живу еще на Пескахъ, но имѣю однакоже намѣреніе со временемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву)* А позвольте узнать...

Кочкаревъ. Да неужли вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агаѣ Тихоновнѣ)* И вы также, сударыня?

Агаѣя Тихоновна. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

Кочкаревъ. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

Агаѣя Тихоновна. Право, не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкихъ-ли?

Кочкаревъ. Именно у Бирюшкихъ.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

Женитьба. Дѣйствіе I. Явленіе XVIII. Стр. 34.

Кочкаревъ. Какъ же, вышла замужъ.

Агаѣя Тихоновна. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучерь-то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

Кочкаревъ. Да то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Какъ же, — Илья Оомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ... Позвольте, позвольте (*беретъ за руку Подколесина и подводитъ его*): пріятель мой Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служить экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

Арина Пантелеймоновна. А какъ по фамиліи?

Кочкаревъ. Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ такъ только, для чина, поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

Арина Пантелеймоновна. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и Стариковъ.

Стариковъ (*кланяясь живо и скоро, по-купчески, и слегка берясь въ бока*). Здравствуйте, матушка Арина Пантелеевна! Робята на гостиномъ дворѣ сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агаѣя Тихоновна (*отворачиваясь съ пренебреженіемъ, сполглоса, но такъ, что онъ слышитъ*). Здѣсь не купеческая лавка.

Стариковъ. Вона! Аль невпопадъ пришли? аль и безъ насъ дѣло сварили?

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продасмъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ устылись. Молчаніе).

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ будто и прошло.

Агаѣя Тихоновна. Да-съ, ужъ эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность.

Жевакинъ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время, — если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю: выйдешь, бывало, изъ дому — день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ будто дождикъ.

Яичница. Неприятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишь одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло — не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

Жевакинъ. О, смерть, совершенная смерть!

Анучкинъ. Да-съ, это можно сказать...

Кочкаревъ. Какое? — просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

Яичница. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?

Жевакинъ. Хотѣли-ли бы вы, сударыня, имѣть мужемъ человѣка, знакомаго съ морскими бурями?

Кочкаревъ. Нѣтъ, нѣтъ! Лучшій, по моему мнѣнію, мужъ есть человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

Анучкинъ. Почему же предубѣжденіе? Зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который хотя, конечно, служилъ въ пѣхотной службѣ, но умѣетъ, однакожъ, цѣнить обхожденіе высшаго общества.

Яичница. Сударыня, разрѣшите вы!

Агаеья Тихоновна *молчитъ.*

Өекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

Яичница. Какъ же, матушка?

Кочкаревъ. Какъ же ваше мнѣніе, Агаеья Тихоновна?

Өекла (*тихо ей*). Скажи же, скажи: «Благодарствую», молю, «съ моимъ удовольствіемъ»... Не хорошо же такъ сидѣть.

Агаеья Тихоновна (*тихо*). Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Өекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ осрамишься. Они ни вѣсть что подумаютъ.

Агаеья Тихоновна (*такъ же*). Нѣтъ, право уйду, уйду, уйду!

(*Убѣгаетъ. Өекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею.*)

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тѣ же, кромѣ ушедшихъ.

Яичница. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! это что значить?

Кочкаревъ. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

Жевакинъ. Какъ-нибудь насчетъ дамскаго туалетца... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришилить. (*Өекла входитъ. Всѣ къ ней навстрѣчу съ вопросами: что, что такое?*)

Кочкаревъ. Что-нибудь случилось?

Өекла. Какъ можно, чтобы случилось! Ей Богу, ничего не случилось.

Кочкаревъ. Да зачѣмъ же она вышла?

Өекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ сконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Просить извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали. (*Уходитъ.*)

Яичница (*въ сторону*). Охъ, ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня

нельзя, да пожалуйста завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ничуть не головоломное! Чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

Кочкаревъ (*Подколесину*). А вѣдь хозяйка недурна—а?
Подколесинъ. Да, недурна.

Жевакинъ. А вѣдь хозяйка-то хороша?

Кочкаревъ (*въ сторону*). Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! (*Вслухъ*) Совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша.

Яичница. Носъ великъ.

Жевакинъ. Ну нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакой розанчикъ.

Анучкинъ. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то, не то... Я даже думаю, что врядъ-ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ-ли она еще по-французски?

Жевакинъ. Да что-жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-французски? Можетъ-быть, и знаетъ.

Анучкинъ. Вы думаете, я говорю по-французски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастья воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ былъ мерзавецъ, скотина. Онъ и не думалъ меня выучить французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непременно зналъ.

Жевакинъ. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что-жъ вамъ за прибыль, если она...

Анучкинъ. А нѣтъ, нѣтъ. Женщина совсѣмъ другое дѣло: нужно, чтобы она непременно знала, а безъ того у ней и то, и это... (*показываетъ жестами*) все ужъ будетъ не то.

Яичница (*въ сторону*). Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду да осмотрю со двора домъ и фли-

геля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добыюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны — народъ что-то больно жиденъкій. Такихъ невѣсты не любятъ.

Жевакинъ. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ-ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

Анучкинъ. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

Жевакинъ. Да-съ, будетъ кругъ: я на острову, въ 18-й линіи; а впрочемъ все-таки я васъ провожу.

Стариковъ. Нѣтъ, тутъ что-то спѣсывато. Ай припомните потомъ, Агаѣя Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! *(Кланяется и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Подколесинъ и Кочкаревъ.

Подколесинъ. А чего ждемъ и мы?

Кочкаревъ. Ну, что, вѣдь правда, хозяйка мила?

Подколесинъ. Да что! Мнѣ, признаюсь, она не нравится.

Кочкаревъ. Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша.

Подколесинъ. Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-французски не знаетъ.

Кочкаревъ. Это еще что? тебѣ на что по-французски?

Подколесинъ. Ну, все-таки невѣста должна знать по-французски.

Кочкаревъ. Почему-жъ?

Подколесинъ. Да потому, что... ужъ я не знаю почему, а все ужъ будетъ у ней не то.

Кочкаревъ. Ну вотъ; дуракъ сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она — красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

Подколесинъ. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ, — ну, я разсмотрѣлъ, и вижу самъ, что длинный носъ.

Кочкаревъ. Эхъ ты, ширей, не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить: и я тоже не хвалилъ, — такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея: вѣдь это, чертъ знаетъ, что за глаза: говорятъ, дышать. А носъ? я не знаю, что за носъ! бѣлизна — алебастръ! Да и алебастръ не всякій сравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

Подколесинъ (*улыбаясь*). Да теперь-то я опять вижу, что она какъ будто хороша.

Кочкаревъ. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь, такъ какъ они всѣ ушли, пойдѣмъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

Подколесинъ. Ну, этого я не сдѣлаю.

Кочкаревъ. Отчего-жъ?

Подколесинъ. Да что-жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

Кочкаревъ. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что-ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу?

Подколесинъ. Да какъ же ты ихъ спроводишь?

Кочкаревъ. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отпѣкиваться.

Подколесинъ. Почему-жъ не дать? изволь, я не отпирюсь: я хочу жениться.

Кочкаревъ. Руку!

Подколесинъ (*подавая*). Возьми!

Кочкаревъ. Ну, этого только мнѣ и нужно. (*Оба уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агаѣи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

Агаѣя Тихоновна *одна, потомъ Кочкаревъ.*

Агаѣя Тихоновна. Право, такое затрудненіе — выборъ! Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре — какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недурень, хотя конечно худощавъ; Иванъ Кузьмичъ тоже недурень. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мужчина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто рассказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да пожалуй прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божию: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, что будетъ. (*Подходитъ къ столу, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить*). Такое несчастное положе-

ніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мужчинъ никто не войдетъ въ это, и даже, просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что́ будетъ. (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою*). Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! Нѣтъ, от чего же онъ? лучше-жъ Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе?.. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу... какой выберется, такой пусть и будетъ. (*Шаритъ рукою въ ридикюль и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ*). Ухъ, всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного! непременно одного! (*Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ*. Въ это время потихоньку входитъ Кочкаревъ и становится позади). Ахъ, если бы вынуть Балтазара... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича... Нѣтъ, не хочу, не хочу! Кого прикажетъ судьба.

Кочкаревъ. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

Агаеья Тихоновна. Ахъ! (*вскрикиваетъ и закрываетъ лицо объими руками, страшась взглянуть назадъ*).

Кочкаревъ. Да чего-жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агаеья Тихоновна. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

Кочкаревъ. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агаеья Тихоновна (*вполовину открывая лицо*). Мнѣ, право, стыдно.

Кочкаревъ. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агаеья Тихоновна. Ахъ! (*вскрикиваетъ и закрывается вновь руками*).

Кочкаревъ. Право, чудо человѣкъ, усовершенствоваль часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

Агаеья Тихоновна (*понемногу открываетъ лицо*). Какъ

Женитьба. Дѣйствіе II. Явленіе I. Стр. 41.

же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ — вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

Кочкаревъ. Помилуйте, это дрянъ противъ Ивана Кузьмича.

Агаѣя Тихоновна. Отчего же?

Кочкаревъ. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ... ну, просто, человѣкъ... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

Агаѣя Тихоновна. Ну, а Иванъ Павловичъ?

Кочкаревъ. И Иванъ Павловичъ — дрянъ, всѣ они — дрянъ.

Агаѣя Тихоновна. Будто бы ужъ всѣ?

Кочкаревъ. Да вы только посудите, сравните только: это, какъ бы то ни было, — Иванъ Кузьмичъ! а вѣдь то, что ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что такое!

Агаеья Тихоновна. А вѣдь, право, они очень... скромные.

Кочкаревъ. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

Агаеья Тихоновна. Ахъ, Боже мой! Ужъ это, точно, такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

Кочкаревъ. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

Агаеья Тихоновна. Такъ по вашему совѣту лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Ивана Кузьмича; натурально, Ивана Кузьмича. (*Въ сторону*) Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кондитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

Агаеья Тихоновна. Такъ вы думаете—Ивана Кузьмича?

Кочкаревъ. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

Агаеья Тихоновна. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

Кочкаревъ. Конечно, отказать.

Агаеья Тихоновна. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

Кочкаревъ. Почему-жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замужъ.

Агаеья Тихоновна. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

Кочкаревъ. Ну, такъ, если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: «Пошли вонъ, дураки!»

Агаеья Тихоновна. Какъ же можно такъ сказать?

Кочкаревъ. Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣрю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

Агаеья Тихоновна. Да вѣдь это выйдетъ ужъ какъ-то бранно.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все-ли равно?

Агаеья Тихоновна. Да все какъ-то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

Кочкаревъ. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большее, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

Агаеья Тихоновна. Ну вотъ, видите!

Кочкаревъ. Да что-жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! Я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованья, что тотъ наконецъ не вынесъ — плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! «Вотъ тебѣ», говоритъ, «твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что-жъ изъ того, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ — взялъ, да и вытеръ. *(Въ стѣнахъ звонятъ).* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ, вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ-ли у васъ тамъ другого выхода?

Агаеья Тихоновна. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но, право, я вся дрожу.

Кочкаревъ. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте! *(Въ сторону)* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II.

Агаеья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю, вамъ извѣстно: служу коллежскимъ ассессоромъ, любимъ начальниками, подчиненные слушаются... недостаетъ только одного: подруги жизни.

Агаеья Тихоновна. Да-съ.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? *(Смотритъ)*

ей въ плечо, въ сторону) О, она не то, что, какъ бываютъ, худенькія нѣмки — кое-что есть.

Агаѣя Тихоновна. Я еще очень молода-съ... не расположена еще замужъ.

Яичница. Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ-быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... (*Слышенъ колокольчикъ*). Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Жевакинъ.

Жевакинъ. Извините, сударыня, что я, можетъ быть, слишкомъ рано. (*Оборачивается и видитъ Яичницу*). Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе!

Яичница (*въ сторону*). Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! (*Вслухъ*) Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ?.. (*Слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердца*) Опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Анучкинъ.

Анучкинъ. Можетъ быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... (*Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается*) Мое почтеніе!

Яичница (*въ сторону*). Возьми себѣ свое почтеніе! Легкая тебя принесла, подомилась бы тебѣ твои поджарыя ноги! (*Вслухъ*) Такъ какъ же, сударыня, рѣшите, — я человѣкъ должностной, времени у меня немного — да, или нѣтъ?

Агаѣя Тихоновна (*въ смущеніи*). Не нужно-съ... не нужно-съ... (*Въ сторону*) Ничего не понимаю, что говорю.

Женитьба. Дѣйствіе II. Явленіе IV. Стр. 47.

Яичница. Какъ не нужно? Въ какомъ отношеніи и нужно?

Агаѣя Тихоновна. Ничего-съ, ничего... Я не того-съ.. (Собираясь съ духомъ) Пошли вонъ!.. (Въ сторону, всплеснувши руками) Ахъ, Боже мой! что я такое сказала?

Яичница. Какъ «пошли вонъ?» Что это такое значитъ: «пошли вонъ?» Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? (Подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно).

Агаѣя Тихоновна (взглянувъ къ нему въ лицо, вскрикиваетъ). Ухъ, прибѣть, прибѣть! (Убѣгаетъ. Яичница стоитъ, разинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: ухъ, прибѣть! и убѣгаетъ).

Яичница. Что за притча такая! Вотъ, право, исторія! (Въ дверяхъ звенитъ звонокъ, и слышны голоса).

Голосъ Кочкарева. Да входи, входи, что-жъ ты остановился?

Голосъ Подколесина. Да ступай ты впередъ. Я только на минуту: оправлюсь, разстегнулась стремешка.

Голосъ Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голосъ Подколесина. Нѣтъ, не улизну! Ей Богу, не улизну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. Ну вотъ, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница (обращаясь къ нему). Скажите, пожалуйста, невѣста дура, что-ли?

Кочкаревъ. А что? случилось развѣ что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: «прибѣть, прибѣть!» Чортъ знаетъ что такое.

Кочкаревъ. Ну да, это за ней водится: она дура.

Яичница. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

Кочкаревъ. Какъ же, родственникъ.

Яичница. А какъ родственникъ? позвольте узнать.

Кочкаревъ. Право, не знаю; какъ-то тетка моей матери что-то такое ей отцу, или отецъ ей что-то такое о ней теткѣ; объ этомъ знаетъ жена моя,—это ихъ дѣло.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкаревъ. А еще съ самаго съ-измала.)

Яичница. Да, конечно лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

Кочкаревъ. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

Яичница. Какъ такъ, а каменный домъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь только слава, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ серединѣ всякая дрянь — мусоръ, щепки, стружки.

Яичница. Что вы?

Кочкаревъ. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строить дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

Яичница. Однакожь вѣдь домъ не заложенъ?

Кочкаревъ. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, да за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ, — сутяги такого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ бы, безбожникъ.

Яичница. Какъ же мнѣ старуха сваха... Ахъ она, бестія этакая, извергъ рода человѣ... *(Въ сторону)* Однакожь онъ, можетъ быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

Анучкинъ. Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ. Признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ-ли женщина по-французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ?..

Кочкаревъ. Дн ослѣмеса.

Анучкинъ. Что вы?

Кочкаревъ. Какъ же? я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А французскій учитель, просто, билъ ее палкой.

Анучкинъ. Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только ее увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-французски.

Яичница. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ свахато проклятая... Ахъ ты, бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала—живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! «Домъ, флигель», говоритъ, «на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани—вотъ садись, да и катайся!» словомъ, въ романѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Оекла. (*Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней съ сльдующими словами*):

Яичница. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣхотворница! а подойди-ка сюда!

Анучкинъ. Такъ-то вы обманули меня, Оекла Ивановна?

Кочкаревъ. Ну-ка ступай, Варвара, на расправу!

Оекла. И ни слова не разберу: оглушили совѣмъ.

Яичница. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами, и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

Оекла. А не знаю, не я строила. Можетъ быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

Яичница. Да и въ ломбардъ еще заложенъ! Черти-бъ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! (*притопывая ногой*).

Оекла. Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы

Женитьба. Дѣйствіе II. Явленіе VI. Стр. 49.

благодарить сталь за удовольствіе, что хлопотала о немъ.

Анучкинъ. Да, Оекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насаказали, что она знаетъ по-французски.

Оекла. Знаетъ, родимый, все знаетъ, и по-нѣмецкому, и по всякому; какіе хочешь манеры—все знаетъ.

Анучкинъ. Ну, нѣтъ; кажется, она только по-русски и говоритъ.

Оекла. Что-жъ тутъ худого? Понятливѣе по-русски, потому и говоритъ по-русски. А кабы умѣла по-басурмански, то тебѣ же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь, — рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по-русски.

Ячница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

Фекла (*потясь ближе къ дверямъ*). И не подойду, я знаю тебя: ты человекъ тяжелый, ни за что приберешь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣсть скажи, что она подлець! Слышишь, непременно скажи. (*Уходитъ*).

Фекла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толсть, такъ думаетъ, ему и равнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлець—вотъ что!

Анучкинъ. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованьемъ, да я... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ! (*Уходитъ*).

Фекла. Белены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глухая грамота!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Фекла, Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ *хохочетъ во все горло, смотря на Феклу и указывая на нее пальцемъ.*

Фекла (*съ досадою*). Ты что горло дерешь?

Кочкаревъ *продолжаетъ хохотать.*

Фекла. Экъ какъ разобрало его!

Кочкаревъ. Сваха-то! сваха-то! Мастерница женить, знаетъ, какъ повести дѣло! (*Продолжаетъ хохотать*).

Фекла. Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала. (*Уходитъ съ досадою*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кочкаревъ, Жевакинъ.

Кочкаревъ (*продолжая хохотать*). Охъ, не могу; право, не могу! силы не выдержать, чувствую, что тресну отъ смѣха! (*Продолжаетъ хохотать*).

Жевакинъ, *глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.*

Кочкаревъ (*въ усталости валится на стулъ*). Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, порву послѣднія силы.

Жевакинъ. Мнѣ нравится веселость вашего нрава. У насъ въ эскадрѣ капитана Болдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ: тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палець—вдругъ засмѣется, ей Богу, и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь, наконецъ, и самъ точно, этакъ, смѣешься.

Кочкаревъ (*переводя дыханье*). Охъ, Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Ну, что она вздумала, дура? Ну, куда-жь ей женить? ей-ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

Жевакинъ. Нѣтъ? Такъ вы можете не въ шутку женить?

Кочкаревъ. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

Жевакинъ. Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

Кочкаревъ. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

Жевакинъ. Какъ зачѣмъ? Вотъ, позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

Кочкаревъ. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

Жевакинъ. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно, это дурно, а впрочемъ съ такою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденьями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка (*размѣриваетъ примѣрно руками*), этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ такой перегородки...

Кочкаревъ. Да что вамъ въ ней такъ понравилось?

Жевакинъ. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматёръ со стороны женской полноты.

Кочкаревъ (*поглядывая на него искоса, говоритъ въ*

сторону). А вѣдь самъ ужь куды не пощеголяетъ; точно кнсетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. (*Вслухъ*) Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

Жевакинъ. Какъ такъ?

Кочкаревъ. Да такъ. Ну, что у васъ за фигура, между нами будь сказано? нога пѣтушья...

Жевакинъ. Пѣтушья?

Кочкаревъ. Конечно. Что у васъ за видъ!

Жевакинъ. То есть, какъ, однакоже, пѣтушья нога?

Кочкаревъ. Да просто—пѣтушья.

Жевакинъ. Мнѣ кажется, это, однакожь, касается насчетъ личности...

Кочкаревъ. Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человѣкъ; другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

Жевакинъ. Нѣтъ, ужь я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужь будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

Кочкаревъ. Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ,—я все сдѣлаю безъ васъ.

Жевакинъ. Да какъ, однакоже, все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза нужно будетъ показаться.

Кочкаревъ. Совсѣмъ не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера все будетъ сдѣлано.

Жевакинъ (*потираетъ руки*). А вотъ это и ужь куда бы хорошо! Да не нужно-ли аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

Кочкаревъ. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. (*Выпровождаетъ его*). Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что-жь это? Что-жь это, Подколесинъ не идетъ? Это, однакожь, странно. Неужли онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужь не побѣжать-ли за нимъ!

ЯВЛЕНИЕ IX.

Кочкаревъ, Агаеья Тихоновна.

Агаеья Тихоновна (*осматриваясь*). Что, ушли? никого нѣтъ?

Кочкаревъ. Ушли, ушли, никого.

Агаеья Тихоновна. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! Этакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

Кочкаревъ. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

Агаеья Тихоновна. А третій?

Кочкаревъ. Какой третій?

Жевакинъ (*высовывая голову въ дверь*). Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ... розанчикъ этакой.

Агаеья Тихоновна. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

Жевакинъ. А, вотъ оно, вотъ оно! (*Потираетъ руки*).

Кочкаревъ. Фу ты пропасть! Я думалъ, о комъ вы говорите. Да вѣдь это, просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

Жевакинъ. Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

Агаеья Тихоновна. А онъ, однакоже, на видъ казался очень хорошимъ человѣкомъ.

Кочкаревъ. Пьяница!

Жевакинъ. Ей Богу, не понимаю!

Агаеья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкаревъ. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

Жевакинъ (*громко*). Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить—другое дѣло; а чтобы эта-

кимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

Кочкаревъ (*въ сторону*). Какъ это угораздило его подвернуться? (*Агаѣя Тихоновна сполгоса*) Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день писать. Прогоните его, да и концы въ воду! (*Въ сторону*) А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я-жъ вымещу на немъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Агаѣя Тихоновна и Жевакинъ.

Жевакинъ (*въ сторону*). Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! Престранный человѣкъ! (*Вслухъ*) Вы, сударыня, не вѣрьте...

Агаѣя Тихоновна. Извините, мнѣ нездоровится... болитъ-съ голова. (*Хочетъ уйти*).

Жевакинъ. Но, можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится? (*Указывая на голову*) Вы не смотрите на то, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки; волосы сейчасъ вырастутъ.

Агаѣя Тихоновна. Мнѣ все равно-съ, что бы у васъ тамъ ни было.

Жевакинъ. У меня, сударыня... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

Агаѣя Тихоновна. Для васъ лучше. Прощайте! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Жевакинъ (*одинъ, говоритъ вслѣдъ ей*).

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? почему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что-ли?.. Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все

хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки—смотришь, и откажутъ. (*Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи*). Да... Вотъ эта ужъ будетъ никакъ семнадцатая невѣста! И чего же ей, однакожь, хочется? Чего бы ей, напри- мѣръ, этакъ... съ какой стати... (*Подумавъ*). Темно, чрез- вычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. (*Осма- тривается*). Кажется, нельзя сказать этого: все, слава Богу, натура не обидѣла. Непонятно! Развѣ не пойти- ли домой да порыться въ сундучкѣ? Тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ, точно, ни одна не устоитъ... Ей Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Подколесинъ и Кочкаревъ (*входятъ и оба оглядываются назадъ*).

Кочкаревъ. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

Подколесинъ. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

Кочкаревъ. Наотрѣзъ.

Подколесинъ (*съ самодовольною улыбкой*). А преко- нфузно, однакоже, должно быть, если откажутъ

Кочкаревъ. Еще бы!

Подколесинъ. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

Кочкаревъ. Какое—предпочитаетъ! Она отъ тебя, про- сто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть,—такъ, просто, и кинить.

Подколесинъ (*самодовольно усмѣхается*). А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, женщина, если захочетъ, какихъ словъ не наскажетъ! вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, тарака- шечка, чернушка...

Кочкаревъ. Чтò еще эти слова! Вотъ какъ женишься,

такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну вотъ такъ и таешь.

Подколесинъ (*усмѣхаясь*). Будто?

Кочкаревъ. Какъ честный человекъ! Послушай, теперь, однакожь, скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

Подколесинъ. Но какъ же сію минуту? что ты!

Кочкаревъ. Непремѣнно сію же минуту... а вотъ и она сама.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Агаѣя Тихоновна.

Кочкаревъ. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ — и неприятелю не пожелаю...

Подколесинъ (*толкая его подъ руку, тихо*). Ну, ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

Кочкаревъ (*ему*). Ничего, ничего! (*Ей тихо*) Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потушивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотреть!—Напрасно, впрочемъ, вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да, впрочемъ, и это хорошо. (*Вслухъ*) Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку загляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: нужно распорядиться — сейчасъ придетъ офиціантъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ быть, и вина принесены... До свиданья! (*Подколесину*) Смѣлѣе! Смѣлѣе! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Подколесинъ и Агаѣя Тихоновна.

Агаѣя Тихоновна. Прошу покорнѣйше садиться.

(Садятся и молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, любите кататься?

Агаѣя Тихоновна. Какъ-съ кататься?

Подколесинъ. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

Агаѣя Тихоновна. Да-съ, иногда съ знакомыми прогуливаемся.

Подколесинъ. Какое-то лѣто будетъ—неизвѣстно.

Агаѣя Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ).

Подколесинъ. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

Агаѣя Тихоновна. Который покрѣпче пахнетъ-съ — гвоздику-съ.

Подколесинъ. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

Агаѣя Тихоновна. Да, пріятное занятіе. *(Молчаніе).* Въ которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесинъ. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. Въ той только украшеніе лучше. *(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по столу).* Вотъ скоро будетъ екатерингофское гулянье.

Агаѣя Тихоновна. Да, черезъ мѣсяць, кажется.

Подколесинъ. Даже и мѣсяца не будетъ.

Агаѣя Тихоновна. Должно быть, веселое будетъ гулянье.

Подколесинъ. Сегодня восьмое число *(считаетъ по пальцамъ)*; девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

Агаѣя Тихоновна. Представьте, какъ скоро!

Подколесинъ. Я сегодняшняго дня даже не считаю. *(Молчаніе).* Какой это смѣлый русскій народъ!

Женитьба. Дѣйствіе II. Явленіе XIV. Стр. 58.

Агаѣя Тихоновна. Какъ?

Подколесинъ. А работники. Стоять на самой верхушкѣ... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурищикъ штукатуришь и не боится ничего.

Агаѣя Тихоновна. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

Подколесинъ. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ беретъ за шляпу и раскланивается)*.

Агаѣя Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесинъ. Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

Агаѣя Тихоновна. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

Подколесинъ (*улыбаясь*). А мнѣ, такъ, право, кажется, что я наскучилъ.

Агаѣя Тихоновна. Ахъ, право нѣтъ!

Подколесинъ. Ну такъ, если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь.....

Агаѣя Тихоновна. Очень пріятно-сь. (*Раскланивается. Подколесинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Агаѣя Тихоновна (*одна*).

Какой достойный человекъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давеча справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! И вѣдь главное то хорошо, что совсѣмъ не пустословить. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться... Какой превосходный человекъ! Пойду, расскажу тетускѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Подколесинъ и Кочкаревъ (*входятъ*).

Кочкаревъ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой! Зачѣмъ домой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что слѣдуетъ.

Кочкаревъ. Стало быть, сердце ей ты ужъ открылъ?

Подколесинъ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

Кочкаревъ. Вотъ-те исторія! Зачѣмъ же не открылъ?

Подколесинъ. Ну, да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ боку-припеку: «Сударыня, дайте я на васъ женюсь!»

Кочкаревъ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

Подколесинъ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и, признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

Кочкаревъ. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ нужно ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

Подколесинъ. Что ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ!...

Кочкаревъ. Почему-жъ нѣтъ?

Подколесинъ. Сегодня подъ вѣнецъ?

Кочкаревъ. Да вѣдь ты-жъ самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны—сейчасъ готовъ жениться.

Подколесинъ. Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяць по крайней мѣрѣ нужно дать роздыху.

Кочкаревъ. Мѣсяць!

Подколесинъ. Да, конечно.

Кочкаревъ. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

Подколесинъ. Да меньше мѣсяца нельзя.

Кочкаревъ. Да вѣдь я официанту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямясь, душенька, женись теперь.

Подколесинъ. Помилуй, братъ, что ты говоришь? какъ же теперь?

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ.

Подколесинъ. Да, право, нельзя.

Кочкаревъ. Можно, душа, все можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесинъ. Да, право, нѣтъ! неловко, совсѣмъ неловко.

Кочкаревъ. Да что неловко? кто тебѣ сказалъ это? Ты

посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный; я говорю тебѣ это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю изъ любви... Ну, полно же, душенька, рѣшишь, взгляни окомъ благо-разумнаго человѣка.

Подколесинъ. Да если бы было можно, такъ я бы...

Кочкаревъ. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колѣни передъ тобой?

Подколесинъ. Да зачѣмъ же?..

Кочкаревъ (*становясь на колѣни*). Ну, вотъ я и на колѣняхъ! Ну, видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги, не упрямся, душенька!

Подколесинъ. Ну, нельзя, братъ, право нельзя.

Кочкаревъ (*вставая въ-сердцахъ*). Свинья!

Подколесинъ. Пожалуй, бранись себѣ.

Кочкаревъ. Глухой человѣкъ! Еще никогда не было такого.

Подколесинъ. Бранись, бранись.

Кочкаревъ. Я для кого же старался? изъ чего бился? Все для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ? я сейчас брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

Подколесинъ. Да кто-жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкаревъ. Да вѣдь ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

Подколесинъ. Тебѣ что до того?

Кочкаревъ. О тебѣ, деревянная башка, стараюсь.

Подколесинъ. Я не хочу твоихъ стараній.

Кочкаревъ. Ну, такъ ступай же къ чорту!

Подколесинъ. Ну, и пойду.

Кочкаревъ. Туда тебѣ и дорога!

Подколесинъ. Что-жъ, и пойду.

Кочкаревъ. Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчас же переломилъ тамъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ

желаніе, чтобы тебѣ пьяный извозчикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ не показывайся!

Подколесинъ. И не покажусь. (*Уходитъ*).

Кочкаревъ. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! (*Отворяя дверь, кричитъ ему вслѣдъ*) Дуракъ!

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Кочкаревъ (*одинъ, ходитъ, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ*).

Ну, былъ ли когда виденъ на свѣтѣ подобный чело-
вѣкъ? Этакимъ дуракъ! Да если ужъ пошло на правду,
то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуйста, вотъ я на васъ
всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ
чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что
онъ мнѣ? родня, что ли? И что я ему такое — нянька,
тетка, свекруха, кума, что ли? Изъ какого же дьявола,
изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не даю себѣ по-
кою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ
знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ чело-
вѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Этакимъ мерзавецъ!
Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя, глупую
животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ
ротъ, въ зубы — во всякое мѣсто! (*Въ-сердцахъ*) дае-
тъ сколько щелчковъ на воздухъ). Вѣдь вотъ что досадно:
вышелъ себѣ — ему и горя мало, съ него все это такъ,
какъ съ гуся вода—вотъ что нестерпимо! Пойдетъ къ
себѣ на квартиру и будетъ лежать да покуривать трубку.
Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но
вѣдь этакимъ, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже
этой рожи, ей Богу, не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же,
пойду, нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улиз-
нуть, пойду, приведу подлеса! (*Убываетъ*).

ЯВЛЕНИЕ XVIII.

Агаѣя Тихоновна (*входитъ*).

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Кузьмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь, — пробовала сматывать нитки, шила ридикюль, — а Иванъ Кузьмичъ все такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. (*Помолчалъ*) И такъ вотъ, наконецъ, ожидаетъ меня переменна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мужчиною—уфъ! Дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежняя моя дѣвичья жизнь! (*Плачетъ*). Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ и дѣвочки пойдутъ, подрастутъ — выдавай ихъ замужъ. Хорошо еще, если выйдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня же поставить на карточку все, что ни есть на немъ! (*Начинаетъ мало-помалу опять рыдать*). Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не была въ дѣвкахъ.... (*Перемѣняя голосъ*) Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?

ЯВЛЕНИЕ XIX.

Агаѣя Тихоновна и Подколесинъ (*выталкивается на сцену изъ дверей двумя руками Кочкарева*).

Подколесинъ (*запнаясь*). Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльцо... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

Агаѣя Тихоновна (*потупляя глаза*). Что же такое?

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется ли вамъ странно?

Агаѣя Тихоновна (*также*). Не могу знать, что такое.

Подколесинъ. Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то, что я вамъ скажу?

Агаѣя Тихоновна. Помилуйте, какъ можно, чтобы было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

Подколесинъ. Но этого вы еще никогда не слышали. (*Агаѣя Тихоновна потупляетъ еще больше глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за плечами*). Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

Агаѣя Тихоновна. А что же это такое?

Подколесинъ. А это... я хотѣлъ было, признаюсь, теперь объявить вамъ, да все еще какъ-то сомнѣваюсь.

Кочкаревъ (*про себя, складывая руки*). Господи ты Боже мой, что это за человѣкъ! это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка!

Агаѣя Тихоновна. Отчего же вы сомнѣваетесь?

Подколесинъ. Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

Кочкаревъ (*вслухъ*). Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ просить руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

Подколесинъ (*почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо*). Помилуй, что ты!

Кочкаревъ. Такъ что-жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастье?

Агаѣя Тихоновна. Я никакъ не смѣю думать, чтобы я могла составить счастье... а, впрочемъ, я согласна.

Кочкаревъ. Естественно, естественно, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесинъ. Сейчасъ. (*Хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и змуритъ брови; онъ даетъ руку*).

Кочкаревъ (*соединяя руки*). Ну, Богъ васъ благосло-

Женитьба. Дѣйствіе II. Явленіе XIX. Стр. 67.

вить! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло... Это не то, что взять извозчика, да и поѣхать куда-нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я расскажу тебѣ, что это за обязанность. Ну, Иванъ Кузьмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. (*Агаѣя Тихоновна потупляетъ глаза*). Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно; пусть поцѣлуетъ!

Подколесинъ. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. (*Цѣлуетъ ее и беретъ за руку*). Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непременно сей же часъ.

Агаѣя Тихоновна. Какъ сейчасъ? Ужъ это, можетъ быть, очень скоро.

Подколесинъ. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

Кочкаревъ. Bravo! хорошо! Благородный человекъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ. Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ теперь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдь у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

Агаѣя Тихоновна. Какъ же, давно готово. Я въ минутку одѣнусь.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Кочкаревъ и Подколесинъ.

Подколесинъ. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. (*Трогнутый*) Будущей весною навѣщу непременно могилу твоего отца.

Кочкаревъ. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. (*Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую*). Дай Богъ; чтобы ты прожилъ благополучно (*цѣлуются*), въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу...

Подколесинъ. Благодарю, братъ! Именно, наконецъ, теперь только я узналъ, что такое жизнь: теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ, чувствуетъ, этакъ какъ-то испаряется, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то есть просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія челоуѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой челоуѣкъ живетъ.

Кочкаревъ. Радъ, радъ! Теперь я пойду, посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. (*Въ сторону*) А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. (*Беретъ и уноситъ шляпу съ собою*).

ЯВЛЕНІЕ XXI.

✓ **Подколесинъ** (*одинъ*).

Въ самомъ дѣлѣ, что я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну, каковъ былъ мой холостой вѣкъ? Что я значилъ, что дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, — словомъ, былъ въ свѣтѣ самый пренустой и обыкновенный челоуѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь, если разсмотрѣть, какое множество людей находится въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого челоуѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ—и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ

Женитьба. Дѣйствіе II. Явленіе XXI. Стр. 70.

сказкахъ, котораго, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобы выразить. (*Послѣ нѣкотораго молчанья*) Однакожь, что ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего,—все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попытаться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя — тамъ ужъ и карета, и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну, спросятъ: зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (*Подходитъ къ окну*). Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну, нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже и картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови!» соскакиваетъ на улицу; за сценой кричатъ и охаетъ*). Охъ! однакожь высоко! Эй, извозчикъ!

Голось извозчика. Подавать, что ли?

Голось Подколесина. На Канавку, возлѣ Семеновскаго мосту.

Голось извозчика. Да гривенникъ, безъ лишняго.

Голось Подколесина. Давай! Пошелъ! (*Слышенъ стукъ отъезжающихъ дрожжекъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Агаѣя Тихоновна (*входитъ въ вѣничальномъ платьѣ, робко и потупивъ голову*).

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно, и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на ми-

нутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! (*Съ робостью оглядывается*) Да гдѣ-жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда же онъ вышелъ? (*Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда*) Оекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

Голось Оеклы. Да онъ тамъ.

Агаѣя Тихоновна. Да гдѣ же тамъ?

Оекла (*входя*). Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

Агаѣя Тихоновна. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

Оекла. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ,—я сидѣла въ прихожей.

Агаѣя Тихоновна. Да гдѣ же онъ?

Оекла. Я ужъ не знаю, гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелеевны?

Агаѣя Тихоновна. Тетушка! Тетушка!

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Тѣ же и Арина Пантелеймоновна.

Арина Пантелеймоновна. (*разодѣтая*). А что такое?

Агаѣя Тихоновна. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

Арина Пантелеймоновна. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть; ко мнѣ не заходилъ.

Оекла. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

Агаѣя Тихоновна. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же и Кочкаревъ.

Кочкаревъ. А что такое?

Агаѣя Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

Кочкаревъ. Какъ нѣтъ? ушелъ?

Агаѣя Тихоновна. Нѣтъ, и не ушелъ даже.

Кочкаревъ. Какъ же? и нѣтъ—и не ушелъ?

Фекла. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

Арина Пантелеймоновна. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

Кочкаревъ. Какъ же, чортъ возьми? Вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли?.. Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе! Ну, что за шутки такія? Въ церковь давно пора! (*Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья*). Непонятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

Арина Пантелеймоновна. Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!..

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала.

Дуняшка. Да они-съ выпрыгнули въ окошко. (*Агаѣя Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками*).

Всѣ трое. Въ окошко?

Дуняшка. Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты правду говоришь?

Кочкаревъ. Врешь, не можетъ быть!

Дуняшка. Ей Богу, выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извозчика и уѣхали.

Арина Пантелеймоновна (*подступая къ Кочкареву*). Что жъ вы, батюшка, въ издѣвку-то развѣ, что ли? посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого сраму еще не наживала. Да я за то, батюшка, вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлець, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я—мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно, только на пакости да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! (*Уходитъ въ сердцахъ и уводитъ невесту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошломленный*).

Фекла. Чтò? А, вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ, чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

Кочкаревъ. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его! (*Уходитъ*).

Фекла. Да, поди ты, вороти! Дѣла-то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ—ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно—ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

